

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ВЪ ОТВѢТЪ Г. В.

ПО ПОВОДУ ЕГО ЗАМѢТКИ НА СТАТЬЮ Г. ДРАГОМИРОВА

„О ВѢРОЯТНЫХЪ ПЕРЕМѢНАХЪ ВЪ ТАКТИКѢ.“

Въ №№ 11 и 12 „Военнаго Сборника“ за прошлый годъ была помѣщена статья г. Драгомирова: „О вѣроятныхъ перемѣнахъ въ тактикѣ“, глубоко затрогивающая всѣ аномаліи, существующія еще во взглядахъ на значеніе и примѣненіе того или другаго строя. Извѣстно, что на боевомъ полѣ отсталость противника въ какой-либо части тактическаго или нравственнаго образованія никогда не проходитъ ему даромъ: онъ будетъ разбитъ.

Если вспомнимъ слова Наполеона: „entre les batailles gagnées et batailles perdues, il y a des empires“, то оцѣнимъ всю важность вопросовъ, относящихся до рациональнаго употребленія всей совокупности боевыхъ средствъ къ одержанію успѣха.

Важность вопросовъ, поднятыхъ г. Драгомировымъ, должна была бы вызвать серьезные отзывы людей или образованныхъ теоретически, или практиковъ дѣла, издавшихъ бой лицомъ къ лицу, и не одинъ разъ. Мнѣніе такихъ людей повело бы, безъ сомнѣнія, не только къ уясненію вопросовъ, но и способствовало бы введенію ихъ въ жизнь, ихъ дѣйствительному примѣненію.

Желаніе возражать явилось у г. В., не подготовленнаго теоретически; практическій же опытъ, судя по духу и сущности его возраженій, не ушелъ дальше мирныхъ занятій.

Общее впечатлѣніе статьи г. В. (*) такое, что невольно

(*) См. № 2-й „Военнаго Сборника“ за текущій годъ.

спрашиваешь себя: желалъ ли авторъ откликнуться на статьи Драгомирова и сказать ему: *я тоже съ вами согласенъ*; желалъ ли г. В. приложить только свои разсужденія къ выводамъ г. Драгомирова; или, наконецъ, просто хотѣлъ попробовать свои критическія способности?

Надо полагать, что это первый критическій опытъ г. В.: въ каждой фразѣ проглядываетъ неопытность овладѣть предметомъ, противорѣчіе самому себѣ. Будучи весьма мало знакомъ съ элементарными тактическими познаніями, онъ смѣшиваетъ причину съ послѣдствіями и обратно, неправильно толкуетъ историческіе факты, ложно понимаетъ автора, котораго критикуетъ, смѣшиваетъ понятія, присущія общеупотребительнымъ словамъ; наконецъ увлекается до того, что изгоняетъ *умозрѣніе* изъ области мышленія о военномъ дѣлѣ.

При такихъ условіяхъ вдаваться съ г. В. въ серьезную полемику едва-ли возможно. Мы считаемъ себя не въ правѣ утомлять читателей разсказомъ о боевыхъ свойствахъ каждаго рода оружія, дабы выяснитъ ошибки автора, равно какъ и доказывать ему, напримѣръ, что *порядокъ* есть родовое понятіе, а *симстрія* — подчиненное этому слову, понятіе видовое и т. д. Желая однако, чтобы читатели не были введены г. В. въ заблужденіе на счетъ многого, рѣшаемся познакомить ихъ съ его трудомъ.

I. Не знаю почему, но во многихъ мѣстахъ г. В. не счелъ нужнымъ, какимъ бы то ни было образомъ, отдѣлить свои слова отъ словъ г. Драгомирова. Положимъ, отъ этого статья выигрываетъ въ занимательности; но дѣло, за которое взялся г. В., не разъясняется ни на волосъ. Въ другихъ мѣстахъ, приводя съ десятокъ строкъ изъ статьи г. Драгомирова, авторъ добавляетъ нѣсколько словъ своихъ собственныхъ, но съ такимъ отгвѣномъ, что нѣтъ никакой возможности распознать: критикуетъ ли г. В., соглашается ли, или просто беретъ на себя трудъ передать во второй разъ читающей публикѣ, для усиленія впечатлѣнія, то, что высказано уже г. Драгомировымъ.

Въ подтвержденіе приведу на выдержку нѣсколько мѣстъ изъ статьи г. В.

Г. Драгомировъ, говоря о стрѣльбѣ залпами изъ сомкнутого строя, пришелъ къ убѣжденію, что, несмотря на введеніе далеко и скорострѣльныхъ ружей, предѣльное разстояніе для

этой стрельбы не должно быть болѣе 300 шаговъ. Г. В. говорить на стр. 4:

„Что касается до предѣла разстоянія для пальбы залпами, то 300 шаговъ можно считать крайнимъ.“

Г. Драгомировъ, говоря объ обученіи штыковому удару, настаиваетъ на необходимости развитіи мѣткость и силу ударовъ, въ убѣжденіи, что мѣткость штыка важнѣе мѣткости пули: потеря пули не ведетъ еще къ потерѣ головы, а промахъ штыка—навѣрное.

Г. В. на стр. 6:

„Чрезвычайно важно, чтобы человекъ умѣлъ штыкомъ бить мѣтко и сильно, а это достигается правильнымъ обученіемъ фехтованію.“

и далѣе:

„а потому надо, чтобы мысль звучала въ сознаніи каждаго воина, что мѣткость штыка и пули необходимы.“

Драгомировъ развилъ идею о возможности и необходимости для пѣхоты встрѣчать кавалерію не только въ каре, но въ какомъ-угодно сомкнутомъ строѣ, что будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ и мѣстности.

Г. В. на стр. 7:

„О встрѣчѣ кавалеріи въ разныхъ видахъ строя, а не исключительно въ каре, спорить немыслимо; но опять повторимъ — вовремя и у мѣста.“

Замѣтите читатель, какой отгѣнокъ даетъ г. В. своимъ *повторительнымъ* словамъ: такъ и кажется, что г. Драгомировъ проповѣдуетъ объ употребленіи строевъ *не вовремя и не у мѣста*, и т. д.

Драгомировъ, изъ историческаго обзора введенія и употребленія огнестрѣльнаго оружія въ европейскихъ арміяхъ, приходитъ къ заключенію (стр. 4): 1) что арміи должны быть не столько многочисленныя, сколько отлично обученныя, при существованіи готовыхъ кадровъ; одиночное развитіе каждаго солдата должно быть доведено до возможнаго совершенства; 2) что всѣ строи: тонкій, глубокій и разсыпной, одинаково годны къ употребленію на полѣ сраженія, несмотря ни на какія усовершенствованія въ ручномъ и артилерійскомъ огнестрѣльномъ оружіи, лишъ бы употребляющіе эти строи имѣли ясный взглядъ на *свойство* и *духъ* каждаго изъ строевъ. Слѣдовательно; нѣтъ надобности ни вводить какіе-либо новые строи, ни особенно замѣнять существующіе, а отмѣнить такое употребленіе ихъ, такія эволюціи, которыя нынѣ непригодны.

3) увлеченіе однимъ изъ строевъ было бы такъ же вредно въ боевомъ отношеніи, какъ увлеченіе какимъ-нибудь однимъ изъ способовъ пораженія непріятеля—огнемъ или штыкомъ.

Г. В. на стр. 3 говорить:

„На основаніи этихъ данныхъ (т. е. вышеизложенныхъ) статьи г. Д., мы приходимъ къ заключенію обратному, выведенному имъ относительно измѣненій въ боевыхъ формахъ пѣхоты, вслѣдствіе усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія, а именно: съ перваго взгляда можно замѣтить, что въ нихъ не произойдетъ никакой перемѣны, что существующія формы строя вполне пригодны для дѣйствія скорострѣльнымъ оружіемъ, какъ дающія средства, смотря по обстоятельствамъ и мѣстности, дѣлать выборъ между тонкимъ и глубокимъ строемъ; что, независимо отъ величины боевой единицы, стремятся и будутъ стремиться довести доблесть каждаго солдата и степень его образованія до возможнаго совершенства; что нѣтъ надобности идти за примѣрами къ грекамъ и римлянамъ, а лучше смотрѣть на свою военную исторію и стараться выяснитъ что пригодно и къ чему болѣе способенъ русскій солдатъ, и, на основаніи этихъ данныхъ, дать ему средства принести наибольшую пользу въ борьбѣ со врагомъ.“

Пусть кто-либо изъ этихъ словъ догадается, возражаетъ ли г. В. г. Драгомирову, соглашается ли съ нимъ, или, не понявъ его, выставилъ, по забывчивости вѣроятно, на судъ публики идеи хотя чрезвычайно вѣрныя, но увы! всѣмъ знакомыя.

II. Другая характеристическая черта критики г. В. та, что онъ часто, безъ умысла или съ умысломъ, приписываетъ г. Драгомирову то, чего тотъ никогда не говорилъ, да вѣроятно и не думалъ даже говорить.

Такъ, на стр. 6, г. В. говоритъ:

„Противъ мысли приученія войскъ бросаться въ атаку во всякомъ строѣ нельзя сдѣлать возраженій, какъ противъ истины, *что въ бою надо пользоваться каждымъ выгоднымъ мимовременіемъ, каждою случайностью*; но надо вселить и убѣжденіе, что хорошо только все то, что вовремя и у мѣста.“

Да не подумаетъ читатель, чтобы г. Драгомировъ гдѣ-либо и когда-либо проповѣдывалъ, что *во всякое время и во всякомъ мѣстѣ* можно зря бросаться въ атаку. Ничуть не бывало: г. В. угодно было приписать это г. Драгомирову ради желанія, во чтобы ни стало, сказать свое собственное слово.

Далѣе г. В. говоритъ:

„Что же касается до залпа при атакѣ въ 15—20 шагахъ отъ непріятеля, то это относится къ особенностямъ боевой стрѣльбы, которая нѣтъ, грѣшнымъ, недостаточна. Мы понимаемъ, сдѣлавъ залпъ

бросаться въ штыки, но никакъ не обратно, т. е. бросившись въ штыки, дѣлать въ то же время залпъ.“

Весь грѣхъ г. В. состоитъ въ томъ, что онъ смѣшиваетъ *движеніе въ атаку* съ тѣмъ моментомъ, когда *бросаются въ штыки*. Первое можетъ начаться съ весьма далекаго разстоянія, и быть успешнымъ даже и тогда, когда ни одинъ штыкъ не обогрится кровью; второе дѣлается на самомъ близкомъ разстояніи, именно отъ 15 до 20 шаговъ отъ непріятеля.

Не будь этого смѣшенія въ понятіяхъ г. В., онъ никогда не рѣшился бы приписать Драгомирову что-либо подобное.

Для отпущенія *грѣшному* г. В. (какъ онъ самъ говоритъ про себя) его вины, надо, чтобы онъ прочелъ Генгре и Бюжо, великихъ практиковъ штыковаго дѣла.

Г. Драгомировъ говоритъ, что строй ротныхъ колоннъ, наиболѣе удовлетворяя условіямъ подвижности, удобопримѣнности къ мѣстности, меньшей потери отъ огня и т. п., будетъ часто употребляться въ первый періодъ боя въ боевой линіи. Для того же, чтобы разсыпной строй приносилъ наиболѣе пользы, былъ употребляемъ болѣе рационально, чтобы онъ былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть, т. е. *строемъ иррегулярнымъ*, надо измѣнить духъ и понятіе тѣхъ лицъ, которымъ придется употреблять ихъ. Никакихъ нововведеній въ уставъ этого строя г. Драгомировъ не только не предлагаетъ; напротивъ настаиваетъ на необходимости отмѣны всѣхъ правилъ непримѣнимыхъ въ бою, отмѣны большей части сигналовъ и т. п. Какія же выводы изъ этого дѣлаетъ г. В.?

На стр. 8 онъ говоритъ:

„Г. Драгомировъ находитъ, что роты въ бою составляютъ единицу *предпочтительную* (sic!) передъ баталіономъ, ибо онѣ удовлетворяютъ вышепоставленнымъ условіямъ.“

И вдругъ ни съ того, ни съ другаго прибавляетъ:

„Не ясно-ли видно изъ этого увлеченія г. Д. стрѣльбой...“

Далѣе:

„Достоинства, приписываемыя г. Драгомировымъ ротамъ, на дѣлѣ принадлежатъ всѣмъ мелкимъ единицамъ. На этихъ данныхъ взводъ будетъ лучше, нежели рота, удовлетворять всѣмъ условіямъ поворотливости, удобопримѣнности къ мѣстности и легкости приведенія въ порядокъ. Полу взводъ еще въ большей степени удовлетворитъ этимъ условіямъ.“

Еще далѣе:

„Строй поротно уже существуетъ; зачѣмъ же его дѣлать исключительнымъ?“

Не говоря уже о томъ, что ничего подобнаго г. Драгомировъ не высказывалъ, здѣсь особенно бросается въ глаза логическій приемъ, съ помощію котораго господинъ В. беретъ на себя трудъ продолжать какъ будто умозаключенія г. Драгомирова, и отъ ротъ, ради ихъ подвижности, нисходитъ до взвода, полувзвода.

Оригиналенъ также выводъ г. В. объ увлеченіи г. Драгомирова стрѣльбой.

Какъ? авторъ, который проповѣдуетъ возможность атаки въ штыки въ какомъ угодно строѣ, который всѣми своими статьями о воспитаніи солдата старался развить идею о необходимости сдѣлать что-нибудь и для штыка, а не для одной пули и т. д., этотъ самый авторъ, по мнѣнію г. В., увлекается стрѣльбой?... Такое обвиненіе показываетъ, что критикъ не усвоилъ себѣ ни общаго духа, ни частныхъ статей г. Драгомирова.

Г. В., въ заботѣ о развернутомъ строѣ, который по его мнѣнію ни къ чему болѣе не служить, какъ только для стрѣльбы, находился очевидно подъ впечатлѣніемъ своего собственнаго взгляда на этотъ строй, и приписалъ г. Драгомирову... *увлеченіе стрѣльбой.*

Точно такой же приемъ употребляетъ г. В. по поводу мнѣнія г. Драгомирова, что для встрѣчи кавалеріи не нужна особенно большая масса, что ротное каре замѣнить въ большей части случаевъ баталіонное. Это тѣмъ болѣе возможно, что заднія роты, если онѣ не атакваны, могутъ всегда развертываться для содѣйствія огнемъ ротамъ первой линіи.

Г. В. говоритъ на стр. 9:

„По этому условію и полувзводная кучка хороша: ей не болѣе будутъ страшны 3—6 атакующихъ всадниковъ (по расчету пространства, занимаемаго кучкой“).

Кому неизвѣстно, что каре прошлаго столѣтія не проиграли въ устойчивости оттого, что были разбиты на отдѣльныя баталіонныя каре. Чему же удивляется г. В., что теперь настало время разбить, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, баталіонное каре на ротныя. Идти же далѣе того, на чемъ останавливается самъ авторъ, не заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

III. Въ другихъ мѣстахъ своей замѣтки, г. В., смѣшавъ понятія и слова, начинаетъ бороться противъ самого себя. Сюда

относится длинное разсужденіе по поводу непониманія имъ слова „*инстинктивно*“.

„Когда человекъ освоится вполнѣ съ дѣломъ для него новымъ и механические приемы войдутъ въ привычку, то онъ (стрѣлокъ) можетъ пускаться на всѣ тонкости этого дѣла: при стрѣльбѣ быстрѣ схватывать цѣль, ловче спускать курокъ и т. д., т. е. усвоить всѣ приемы ловкаго стрѣлка, но отнюдь не стрѣлять инстинктивно. Сдѣлаемъ вѣсь увѣрить г. Д., что ни одинъ охотникъ не стрѣляетъ инстинктивно.“ (Стр. 6.)

Спрашиваю г. В.: соображаетъ ли человекъ при ходьбѣ, что нога должна быть поставлена впередъ такъ, чтобы центр тяжести тѣла былъ по линіи отвѣсной, проходящей между ногъ, и что иначе можно упасть? Навѣрное никто не дѣлаетъ такихъ соображеній, хотя исполняетъ движеніе совершенно правильно; слѣдовательно онъ ходитъ, не падая, въ силу приобрѣтенныхъ имъ прежде привычекъ; онъ усвоилъ себѣ всѣ приемы движенія; онъ дѣлаетъ движеніе машинально, *инстинктивно*.

Точь въ точь то же самое говоритъ и г. Драгомировъ по поводу стрѣльбы, т. е. чтобы солдатъ усвоилъ себѣ приемы производства выстрѣла, такъ сказать, механически, *инстинктивно*, въ родѣ того какъ стрѣляютъ охотники, т. е. *стрѣлятъ на вскидку*. Между тѣмъ, по непониманію значенія этого слова, г. В. дѣлаетъ слѣдующее остроумное сравненіе:

„Стрѣльба же пулей по звѣрю другая (т. е. не инстинктивная): тутъ вѣрно прицѣливаются не только въ звѣря, но въ извѣстныя мѣста звѣря; если онъ идетъ мимо, ведутъ за нимъ ружье, и стрѣляютъ навѣрняка, а то иначе, пустивъ въ медвѣдя заряды инстинктивно, можно остаться безъ черепа, а послѣ этого навѣрное не придетъ въ голову стрѣлить инстинктивно.“

Г. В. и не подозревалъ, что, писавши эти строки, шутить надъ самимъ собою. Въ другомъ мѣствѣ онъ впадаетъ въ ошибку вслѣдствіе того, что смѣшиваетъ понятіе о *симетріи* съ идеею *порядка*, позагая ихъ совершенно однозначащими. На этомъ основаніи критикъ приписываетъ, чуть не влагаетъ въ уста г. Драгомирову слѣдующую фразу:

„Въ дѣлѣ берутъ: сметкой, порывомъ, увлеченіемъ и упорствомъ, а не строимъ порядкомъ и рациональнымъ знаніемъ дѣла всѣхъ чиновъ.“

Пусть читатель однако знаетъ, что къ такимъ гиперболическимъ выводамъ пришелъ самъ г. В., и притомъ совершенно произвольно, или, точнѣе, не произвольно, а вслѣдствіе воображенія, будто бы тамъ только и *порядокъ*, гдѣ есть *симетрія*.

Мнѣ кажется, не стоитъ и доказывать, что отдѣльныя части какого-либо цѣлаго могутъ быть расположены весьма симметрично, и, въ то же время, каждая часть быть въ страшнѣйшемъ безпорядкѣ. Г. Драгомировъ могъ возставать противъ увлеченія симетріей, и возставать совершенно основательно; но противъ порядка и знанія дѣла всѣми чинами кто же со здравымъ разсудкомъ могъ возставать? Возможно-ли допустить, чтобы человѣкъ, одинъ изъ первыхъ задавшійся вопросомъ о томъ, чему и какъ надо учить войска въ мирное время, отвергалъ порядокъ и знаніе дѣла всѣми чинами!

IV. Для того вѣроятно, чтобы заставить читателя предаваться догадкамъ, г. В. прибѣгаетъ непрерывно къ намекамъ... На стр. 5 сказано:

„Баталіонные залпы не удаются нерѣдко въ мирное время не отъ недостатка голоса, а отъ личныхъ ошибокъ баталіонныхъ командировъ, распространяться о которыхъ неумѣстно.“

Почему же?

На стр. 13, говоря про боевой порядокъ пѣхоты, критикъ замѣчаетъ:

„Примѣняется онъ сознательно, тогда его не за что гнать: онъ безвреденъ; а противъ бессознательнаго его употребленія надо средства посерьезнѣе предлагаемыхъ г. Д....“

На стр. 14, по поводу мнѣнія Драгомирова о самостоятельности ротъ, въ смыслѣ конечно мѣста, занимаемаго ими въ баталіонномъ строю, и вида принимаемаго строя, г. В. горитъ:

„безусловная (sic!) самостоятельность можетъ повести къ такимъ вопросамъ, которые въ рѣшительныя минуты будутъ несравненно хуже Фридриховской системы.“

Жаль, что недомолвки г. В. мѣшаютъ воспользоваться его глубокимъ опытомъ и познаніями для разъясненія столь важныхъ вопросовъ. Мнѣ кажется, что образъ дѣйствій критика въ этомъ случаѣ не совсѣмъ безукоризненный. Почему не принести на алтарь общественной пользы свои свѣдѣнія, могущія оказать огромную услугу? Г. Драгомировъ, указывая на какія-либо несовершенства или недостатки, немедленно предлагаетъ и средства къ ихъ устраненію. Критикъ же, сознавая недостатки, ошибки и проч., для устраненія ихъ не имѣетъ даже доброй воли разъяснить кому слѣдуетъ о мѣрахъ, ведущихъ къ этой цѣли.

Показавъ манеру г. В., знакомящую съ характеромъ и направленіемъ его „Замѣтки“, я могъ бы остановиться здѣсь,

такъ какъ рѣшительно нѣтъ возможности серьезно относиться къ дѣлу съ подобнымъ противникомъ; но есть вещи, которыя трудно пройти молчаиѣмъ, потому что для поверхностнаго наблюдателя онѣ имѣють видъ чего-то похожаго на истину.

Я говорю про мнѣнiе г. В. о частомъ употребленiи „бой къ атакъ“.

По мнѣнiю г. Драгомирова, непрерывное повторенiе „*бой къ атакъ*“ на ученьяхъ лишаетъ войска той свѣжести впечатлѣнiя къ этому звуку, которая необходима однако, чтобы въ минуту дѣйствительной потребности могла электризовать массу. Въ этихъ видахъ надо чрезвычайно бережливо относиться какъ къ обстановкѣ атаки, такъ и къ самому бою, возможно рѣже употребляя его въ пустую.

Вотъ какими доводами старается г. В. доказать неосновательность этого мнѣнiя:

„Вы забываете, что барабанная школа не секретъ: кто живетъ среди войскъ, тотъ слышитъ по цѣлымъ днямъ всевозможные бои. Напримеръ, „бой тревога“; да его каждый день въ лагерѣ бьютъ на задней линiи, такъ какъ бой механически трудный для барабанщиковъ; мало того: на всѣхъ ученьяхъ *бой тревога* колотили чуть не болѣе нежели бой атаки; онъ тогда обозначалъ: *пальбу рядами*. Кажется привыкли къ нему; а чуть ударилъ тотъ же *нудительный* бой дежурный барабанщикъ на передней линiей, какой восторгъ! какъ все встрепенется! Слѣдственно не звукъ важенъ, а обстоятельство, при которомъ слышать знакомый звукъ. Бой къ атакъ на плацу—учебный бой, какъ всякій другой, и производитъ такое же впечатлѣнiе, а при обстоятельствахъ другихъ, онъ будетъ священнымъ звукомъ.“ (Стр. 7.)

Слѣдуетъ помнить, что привычка человѣка — вторая натура, что ученья должны возможно ближе подходить къ боевымъ условiямъ, и только тогда знанiя войскъ будутъ дѣйствительнымъ мѣриломъ того, что отъ нихъ можно ожидать на полѣ сраженiя, и что они въ состоянiи будутъ дѣлать. Я повторю здѣсь вашъ доводъ: не звукъ важенъ, а обстоятельства, при которыхъ слышать знакомый звукъ. Ученья же суть именно тѣ наиболѣе сходныя съ боемъ обстоятельства, при которыхъ надо остерегаться употреблять этотъ бой всеу.

Люди, понимавшiе военное дѣло, давно знали эту истину. Вотъ приказъ Петра Великаго, слово въ слово, отданный имъ въ селѣ Преображенскомъ 11-го января 1722 года:

„Понеже въ битвѣ зорь великое въ войнѣ дѣло зависитъ, а имянно цѣлость всего войска; понеже, когда пробьютъ вечер-

нюю зорю, тогда запруть ходъ и караулы умножать и опасно ночь облюдовать, за которыми все войско опочиваетъ безопасно, а когда утреннюю битъ стануть, повинны всѣ встать и не спать, понеже входъ отопрется, что уже господамъ офицерамъ въ колегіи воинской, яко практикамъ, довольно вѣдомо есть. Но нынѣ у насъ оное дѣло въ комплектъ вмѣнено, и яко старые бояре и воеводы и стрѣльцы употребляемъ: бьютъ въ такихъ городахъ, гдѣ воротъ не затворяютъ во всю ночь по дворамъ и слободамъ. И такъ людей изводимъ, что и у прямого дѣла, какъ и безъ дѣла, ни во что оный обычай придетъ. Ибо Отче Нашъ, хотя и лучшая молитва во христіанствѣ есть, понеже самимъ Христомъ предана, однакожь ради частаго употребленія въ обычай вошло не такъ почестью, какъ другія, которыя одинова въ годъ читаются, хотя и человѣческаго сложенія есть. Того ради надлежитъ твердо о семъ установить указомъ и въ Регламентъ внести, дабы туне не чинили“.

„Петръ“. (*)

Для того, чтобы опровергнуть мнѣніе г. В., достаточно словъ этого приказа: мои комментаріи дѣлаются излишними.

На стр. 7 г. В., высказываясь противъ приученія пѣхоты къ прорыву каре и обученія этому маневру въ мирное время, сборомъ людей въ кучи, прибавляетъ: „Важется, я самъ Суворовъ на это не согласился бы.“

Потомъ говорить, что обученіе сквознымъ суворовскимъ атакамъ есть дѣло крайне опасное, а главное нераціональное: „ибо пѣхота ищетъ своего спасенія противъ кавалеріи въ сомкнутомъ строѣ, а тутъ размыкають ряды.“

Во-первыхъ, довольно странно осуждать вещи ради ихъ опасности. Не надо забывать, что подобное обученіе есть подготовленіе къ войнѣ, къ дѣйствию гораздо опаснѣйшему, чѣмъ само приготовленіе. Почему же не осудить тогда и обученіе стрѣльбѣ въ цѣль? вѣдь бывали случаи, что махальные не только ранились, но даже были убиваемы.... Кто же осуждаетъ употребленіе огня ради того, что онъ можетъ произвести пожаръ?

Г. В., очевидно мало знакомый съ Суворовымъ, могъ бы и не говорить за него; я же, по аналогіи, могу вывести заключеніе, что если Суворовъ допускалъ и требовалъ сквозныхъ

(*) Дѣла „Арх. Архива“. Книга № 108, стр. 11.

атакъ, то конечно допустилъ бы, что прорванное каре или баталіонная колонна обязана собираться въ кучу.

Вся бѣда въ томъ, что г. В., какъ видно, не признаетъ необходимости въ мирное время обучать войска не прямо и непосредственно тому, что имъ приходится дѣлать на войнѣ, а вещамъ, на первый взглядъ будто бы противоположнымъ. Вотъ оно истинное затрудненіе для мирно-военныхъ практиковъ! Они забываютъ самое главное — вліяніе нравственнаго начала при обученіи. Въ данномъ случаѣ, если пѣхота въ разсыпномъ строѣ приучится не бояться кавалеріи, то во сколько же кратъ сила и мужество пѣхоты возрастутъ, когда она будетъ встрѣчать кавалерію въ массѣ, въ кучѣ, въ каре или въ колоннѣ?

Относительно нашего славнаго Суворова, я приведу мнѣніе очевидца системы его обученія; изъ него г. В. увидитъ діаметральную противоположность воззрѣній Суворова съ своими мнѣніями.

Вотъ что говоритъ Гильманшъ-Дюбокажъ, бывшій офицеромъ въ штабѣ Суворова въ 1794, 1795 и 1796 годахъ, на стр. 196—199 своего сочиненія:

„Для достиженія быстроты въ исполненіи всѣхъ эволюцій и неустранимости войскъ необходимо, по мнѣнію Суворова, ознакомить ихъ съ военными дѣйствіями посредствомъ такихъ эволюцій, которыя бы наиболѣе приближались къ дѣйствительности. Это сближеніе должно простирается до того, чтобы войска смотрѣли на настоящія атаки (на полѣ сраженія), какъ на простую эволюцію—маневръ“.

„Всякіе маневры должны были кончатся непременно атакою. Какъ бы часть войскъ мала ни была, для ученій и маневровъ она дѣлилась на двѣ части. Обѣ части, расположившись другъ противъ друга въ развернутыхъ линіяхъ или въ болѣе или менѣе глубокихъ колоннахъ, двигались на встрѣчу. Не доходя ста шаговъ, начальники подавали сигналъ для атаки; атака производилась пѣхотою *бьюмъ*, а кавалерію *въ залопъ*. Иногда пѣхота бросалась на кавалерію съ опущенными штыками („на руку“), въ то время когда послѣдняя шла на встрѣчу *залопомъ*. Иногда пѣхота ожидала кавалерію стоя на мѣстѣ, и давала залпъ въ разстояніи 20 шаговъ“.

„Прохожденіе линій или колоннъ насквозь одна другой вовсе не дѣлалось такъ, какъ обыкновенно это исполнялось въ евро-

пейскихъ арміяхъ, посредствомъ образованія интерваловъ чрезъ vzdvaivanie рядовъ“.

„Эта атака была дѣйствительнымъ столкновениемъ (choc) такимъ, которое бываетъ при настоящихъ атакахъ“.

„Ни одна часть не должна была ни перемѣнять аллюра, ни уменьшать его. Пѣхота проходила сквозь пѣхоту съ опущенными штыками, подымая ихъ вверхъ только въ моментъ столкновения. Въ то же время каждый солдатъ дѣлалъ полуоборотъ направо, чрезъ что образовывалось небольшое пространство, дававшее возможность протиснуться обоимъ отрядамъ другъ сквозь друга. Небольшіе промежутки, образовавшіеся между рядами во время самага движенія въ атаку, тоже способствовали нѣсколько этому *протискиванью*“.

„Маневры эти были не совсѣмъ безопасны при атакѣ кавалеріи на кавалерію и кавалеріи на пѣхоту. Для полученія каждому надлежащаго интервала, фланги эскадрона дѣлали во время атаки небольшой поворотъ направо и налѣво. Въ образуемая такимъ образомъ маленькіе интервалы между кавалеристами надо было проѣзжать не останавливаясь. Часто интервалы эти бывали недостаточны при атакѣ кавалеріи на кавалерію; тогда происходило настоящее столкновение: несчастье нѣжнымъ колѣнямъ—они были сильно помяты. Я часто видѣлъ людей, выбитыхъ изъ сѣдла, съ ногами такъ сильно покалѣченными, что они не могли ходить нѣсколько дней, а часто и нѣсколько недѣль“.

Что вы скажете, г. В., послѣ прочтенія этого отрывка? Конечно, найдется много людей, которые ужаснутся такой ереси въ обученіи. Почему же Суворовъ не глядѣлъ на опасность подобныхъ упражненій, а дѣлалъ ихъ въ виду той пользы, которую они приносили дѣлу?

Можетъ быть, вы скажете, что Суворовъ ошибался въ дѣлѣ обученія войскъ. Въ такомъ случаѣ я долженъ сказать, что предпочитаю тоже ошибаться, но вмѣстѣ съ Суворовымъ, чѣмъ съ вами, г. критикъ.

Но я dokonчу описаніе атаки, почерпнутое мною изъ того же сочиненія.

Атака кавалеріи на пѣхоту производилась среди такого густаго дыма отъ ружейнаго и артилерійскаго огня, что не было возможности различать интервалы, о которыхъ упомянуто выше. Могло бы случаться еще больше несчастій, если бы пѣ

хотинцы, замѣтивъ быстрое движеніе кавалеристовъ, не`торопились вдвоить ряды, образуя шесть шеренгоу изъ трехъ. Случалось также, что ряды кавалеріи разрывались, вслѣдствіе облическаго движенія фланговъ эскадрона; тогда пѣхота бросалась въ этотъ интервалъ. Надо замѣтить, что всѣ эти движенія не имѣли никакой правильности, дѣлались такъ сказать *безпорядочно*; но эта неправильность, эта безпорядочность движенія производили впечатлѣніе большаго подобія настоящей войны. Порядокъ былъ однако возстановляемъ такъ же скоро, какъ и разрушаемъ при самой атакѣ. Зритель, наблюдавшій картину въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ мѣста атаки, замѣчалъ только извѣстное колебаніе, волненіе въ массѣ; трудно было понять, какимъ образомъ эта масса людей и лошадей могли проникнуть другъ сквозь друга, не будучи опровергаемы; тѣмъ не менѣ несчастные случаи были относительно рѣдки.

Послѣ атаки, обѣ стороны продолжали свое движеніе еще шаговъ сто, и затѣмъ были выравниваемы и устраиваемы своими начальниками.

Пусть читатель разсудить, хороша ли подобная система обученія.

Замѣчаніе критика, что боевой порядокъ превратится въ боевой порядокъ рыцарей, если каждый начальникъ отдѣльной части будетъ смотрѣть только впередъ, не развлекаясь тѣмъ, что дѣлается вправо и влѣво, *было бы* совершенно справедливымъ, если бы общій духъ и характеръ изложенія г. Драгомирова объ этомъ предметѣ далъ право сдѣлать такое заключеніе; но критика направлена не противъ общаго смысла, который понятенъ людямъ подготовленнымъ къ научному изложенію, а противъ словъ.

На страницѣ 11, по мнѣнію г. В., Суворовъ, обучая войска дѣйствовать безразлично на первую и вторую шеренгу, дѣлалъ это совершенно напрасно; ибо автору „Замѣтки“ кажется, что „важнѣе умѣть вести свои войска такъ въ бой съ непріателемъ, чтобы встрѣчать его лицомъ къ лицу, а не разсчитывать на то, что можно его увидать неожиданно сзади, и учить сообразно съ этимъ войска.“

Выходитъ будто-бы Суворовъ не затѣмъ училъ войска всѣмъ эволюціямъ одинаково на первую или вторую шеренгу, чтобы драться съ непріателемъ, чтобы вести ихъ въ бой.... Суворовъ дурно обучалъ войска!... По мнѣнію г. В., если

баталіонъ въ двухъ линіяхъ ротныхъ колоннъ сдѣлаеть одновременное захожденіе поротно къ сторонѣ фланга на одну осьмую часть круга, то образуются три линіи. Этотъ доводъ приведенъ затѣмъ, чтобы показать неосновательность мнѣнія г. Драгомирова, что признаніемъ за ротами независимости въ расположеніи ихъ, не по порядку номеровъ, выигрывается быстрота эволюцій. Г. В. рѣшительно не подозреваетъ, что, при самомъ незначительномъ передвиженіи ротъ, немедленно возстаноятся тѣ же двѣ линіи.

Но если баталіону, построенному въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ, пришлось бы перемѣнить фронтъ на одну четверть круга, то для сохраненія относительнаго расположенія ротъ по порядку номеровъ, предписанному уставомъ, надо сдѣлать значительное передвиженіе. А потому мнѣніе, высказанное г. Драгомировымъ, о необходимости не стѣсняться порядкомъ номеровъ, при расположеніи ротъ въ баталіонныхъ строяхъ, совершенно основательное — взглядъ на дѣло вполне вѣрный.

Ручательство ваше, г. В., за невозможность, будто бы, движенія развернутаго строя съ интерваломъ въ пять шаговъ между ротами, преждевременное. Только опытъ можетъ показать, на сколько подобное движеніе примѣнимо или нѣтъ. Замѣтите, что интервалы эти назначены не ради самихъ себя, а для *свободы движенія*; потому если бы они послѣ продолжительнаго движенія немного увеличились, уменьшились, или даже и вовсе уничтожились, то съ точки зрѣнія дѣла, это не имѣетъ никакой важности.

Собственные выводы г. В. о томъ, что будто бы строй поротно будетъ, въ силу изложенныхъ г. Драгомировымъ мнѣній, *строемъ ирегулярнымъ*, что и строй *побаталіонно* будетъ тоже *строй ирегулярный*, производять впечатлѣніе шутки, не заслуживающей опроверженія.

Кто же когда-либо могъ сдѣлать подобные выводы, серьезно относясь къ дѣлу?

Мнѣніе же г. критика, что пальба залпами холостыми патронами, а еще проще капсюлями, имѣетъ большее основаніе, приучая солдата къ выдержкѣ, рѣшительно ничѣмъ не доказывается. Если люди выучены хорошо стрѣлать, то никому въ голову не придетъ спустить курокъ тогда, когда мушка еще не упала на цѣль. Предполагая, что старые солдаты выучены хорошо стрѣлать, къ какой еще выдержкѣ понадобилось г. В. приучать

ихъ? Изъ бесѣды съ людьми, бывшими въ учебномъ баталіонѣ, можно вывести убѣжденіе, что *на ученьяхъ* съ боевыми патронами, та стрѣльба будетъ лучшая, при которой послѣ команды „кладъ“ предоставляется солдатамъ самимъ выпалить когда угодно. При стрѣльбѣ боевыми патронами не обращаютъ вниманія на ровность звука. На смотрахъ же, гдѣ люди суетятся, скажу больше: приучены къ суетѣ холостую стрѣльбою, когда слѣдовательно они не хладнокровны, команда „пли“, пожалуй и имѣетъ значеніе. Но какъ войска готовятся къ бою, а не къ смотрамъ, то всѣ соображенія *о выдержкѣ, о стрѣльбѣ холостыми патронами, капсюлями*, могутъ относиться къ области мирно-военныхъ занятій, столь много отнимающихъ времени отъ истинно-боевыхъ упражненій.

Но что сказать о знакомствѣ г. В. съ военною исторіею и тактикою, когда, по его мнѣнію, „Леонида Спартанскаго отдали бы подъ судъ за то, что оборонялъ тѣснину расположась внутри ея?“

Кому же неизвѣстно, что горныя тѣснины и нельзя иначе оборонять? Выходы изъ горныхъ тѣснинъ образуются отрогами горъ, спускающимися къ долинѣ или равнинѣ всегда постепенно, скатами болѣе или менѣе пологими, и потому никогда не представляютъ дефиле въ полномъ значеніи этого слова; подобные выходы не представляютъ выгодной позиціи для отрядовъ, даже въ двадцать разъ многочисленнѣйшихъ, чѣмъ былъ отрядъ Леонида. Вотъ почему и Леонидъ Спартанскій, съ отрядомъ въ 300 человекъ, могъ запереть входъ персамъ при Термопилахъ только *внутри* дефиле. Ошибка же его состояла въ ненаблюденіи за флангами, съ цѣлью знать заблаговременно о предпринимаемомъ обходѣ.

Я могъ бы сказать еще многое, но повторяю: нѣтъ возможности серьезно относиться къ критикѣ, въ которой такъ мало знакомства съ основными свойствами боевыхъ элементовъ.

Вотъ почему мнѣ такъ и хочется закончить эпиграфомъ, гдѣ-то мною читанномъ еще въ ранней юности:

„Geh doh hin und studiere etwas.“

В. В.